

Су Тан оставался с Цянь Чжу почти полмесяца, и он безудержно ел, пил, играл и веселился каждый день. Он вел себя совсем как распутный смертный император в сопровождении красавиц, хотя его сопровождал только Цянь Чжу, но он являлся красавчиком высшего сорта. В конце концов Су Тан почти забыл о своей миссии.

Во дворе стояли два кресла-качалки, и Су Тан устроился на одном из них. Все его тело было мягким, как жидкость, он походил на хомяка, который, когда наедается досыта, то "превращается в жидкость".

Цветы непрерывно падали, и вскоре его тело было покрыто желтыми лепестками, но Су Тан не хотел двигаться. И только когда Цянь Чжу напомнил ему об этом, он медленно перевернулся. Как будто это движение истощило все его силы, он тихо вздохнул с облегчением и продолжал лежать, как хомяк в жидком состоянии.

При взгляде на него, сердце Цянь Чжу медленно наполнялось счастьем; он впервые видел кого-то наподобие Су Тана, который говорил мягким и липким тоном и даже лежал, как будто все его тело было мягким, совсем без костей. Это невероятно восхитительно.

Глаза Су Тана были полуприкрыты, когда он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Открыв глаза для проверки, он понял, что это Цянь Чжу. По всей вероятности он уставился на него из-за его всепоглощающей лени, и поэтому Су Тан смущенно объяснил:

— Переворачиваться слишком утомительно, эн.

Цянь Чжу бросил на него еще один непроницаемый взгляд. Су Тан подумал, что его критикуют, и забеспокоился. Его уверенность в себе начала исчезать, но что сказано, то сказано, и у него не остается ничего иного, кроме как продолжать.

— Может, потому что я расту, мне легче устать...

Лицо Су Тана побагровело. Он чувствовал, что не самая умная ложь, сказанная им, можно распознать с первого взгляда, так как даже он сам не верил в произнесенное.

— Тогда тебе нужно как следует отдохнуть, — кивнул Цянь Чжу головой в итоге.

От неожиданного согласия Цянь Чжу у Су Тана опустел разум. Очнувшись, он решил, что Цянь Чжу сказал это только, чтобы сохранить его репутацию.

— Спасибо. Я приму это во внимание, — неловко сказал Су Тан.

— Угу, — кивнул тот.

После этого они оба замолчали.

Тихое и мирное время всегда быстро пролетают. После того, как Су Тан проснулся от короткого сна, он понял, что солнце вот-вот сядет. Его тело оказалось накрытым одеждой, принадлежавшей Цянь Чжу. Она была чистой, без единого цветочного лепестка.

От недавнего пробуждения у него в голове было еще не совсем ясно, поэтому он не придавал этому особого значения и медленно поднялся. Только тогда он понял, что лепестки, окружавшие кресло-качалку, оказались необычно высокими. Очевидно Цянь Чжу помог ему смахнуть их с него.

Его сердце внезапно наполнилось теплом, и когда он хотел что-то сказать Цянь Чжу, то обнаружил, что тот уже покинул двор без его ведома. Су Тан не волновался. Вместо этого он присел на корточки и начал возиться с лепестками на земле.

Лепестков накопилось так много, что они лежали на земле словно ковер, и там можно было с легкостью писать пальцем, было видно каждую черточку. Очнувшись от оцепенения, Су Тан понял, что неосознанно записал имя Цянь Чжу и свое собственное рядом с ним.

Он застыл и хотел было быстро стереть написанное им, но затем вспомнил, что Цянь Чжу нет рядом, поэтому продолжал восхищаться своей работой.

Его собственное имя было округлым и гладким, его нельзя было назвать ни красивым, ни уродливым. И все же оно не шло ни в какое сравнение с написанием имени Цянь Чжу – будто удары мечом. Оно соответствовало его собственному имени, но для имени Цянь Чжу этот стиль письма выглядел крайне неловко.

— Нехорошо, нехорошо, — пробормотал Су Тан себе под нос, стирая рукой имя Цянь Чжу. Хотя он хотел написать это снова, он не сделал этого, потому что не мог перевести силу Цянь Чжу в свое имя.

Су Тан начал приходить в замешательство. Даже вспомнив штрихи, необходимые для написания имени Цянь Чжу, он лишь сделал несколько жестов, но на самом деле не писал его. Когда он уже собирался сдаться, пара тонких рук удержала его.

Руки имели знакомую температуру и запах, так что Су Тану даже не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, кто это.

— Почему у тебя такие беззвучные шаги? — спросил Су Тан.

— Я боялся тебя потревожить, — ответил Цянь Чжу. — Что ты хочешь написать? Я научу тебя, как это делается.

— Не... не надо, я ничего не хотел писать, — Су Тан сосредоточился на руке, которую держал Цянь Чжу, и в его голове царил хаос. По какой-то причине он не мог признаться Цянь Чжу, что на самом деле хочет написать свое имя.

— Но я видел, как ты написал, а потом стер. Ты готовился написать его снова, — произнес Цянь Чжу.

— Нет... — голос Су Тана стал слабее, когда он подумал, что Цянь Чжу, возможно, видел все его маленькие движения, но он также не был уверен, что тот видел написанное им, поэтому он не хотел отвечать.

— О? — приподнял брови Цянь Чжу. — Может, ты написал имя человека, которым восхищаешься, и застенчиво спрятал его, чтобы даже брат Цянь Чжу не мог его увидеть?

Услышав сказанное им у Су Тана сильно покраснело лицо. Он просто небрежно написал имя Цянь Чжу, как это могло дорасти до восхищения кем-то? Но если это не восхищение, то почему он так стыдился показать это Цянь Чжу?

Казалось, он попал в бесконечную петлю, из которой не мог вырваться; Цянь Чжу и слово "восхищение" были связаны вместе, и хотя ему хотелось отделить их друг от друга, он понял, что не может этого сделать.

Цянь Чжу увидел смущенный вид Су Тана и не смог сдержать смех. У него просто отличное зрение, и он уже давно видел, чье имя писал Су Тан. Его сердце наполнилось радостью, и он хотел немного подразнить Су Тана; раньше он спокойно обходился без поддразнивания Су Тана, не считая это хорошим, но после испытал это, он понял, что это восхитительно интересно.

Для Цянь Чжу это было равносильно упавшему с небес на голову пирогу, отчего на какое-то время у него закружилась голова. Придя в себя, он почувствовал, что должен тщательно спрятать этот пирог, а потом тайком съесть его позже.

Жаль, что его маленький персиковый пирог говорит одно, а имеет в виду совсем другое. Как бы он ни спрашивал, тот не желает говорить правду. Цянь Чжу знал, что ему нельзя становиться слишком нетерпеливым в своих действиях, тем не менее, подталкивая, когда это необходимо.

— Хорошо, ла, я больше не буду дразнить тебя, — наклонившись посмотрел на него Цянь Чжу с улыбкой. — Пойдем, брат Цянь Чжу научит тебя, как написать эти два иероглифа.

Лицо Су Тана мгновенно стало красным, и он поспешно поднял на него глаза и хотел отнять свою маленькую ручку, но Цянь Чжу крепко держал ее. Рука Цянь Чжу накрыла руку Су Тана, когда он поднял запястье и приложил некоторое усилие, прежде чем написать тонкими, мощными штрихами "Цянь Чжу" (1).

— Теперь запомнил, как писать? — спросил Цянь Чжу.

— Я умею его писать, — ответил Су Тан, не желая терять лицо перед Цянь Чжу.

— Тогда зачем ты его стер, а? — уголок рта Цянь Чжу уже изогнулся в неглубоком изгибе. Он знал, что Су Тан умеет писать его имя, так как видел, что он написал "Цянь Чжу" в круглой и очаровательной манере. На самом деле, ему очень нравилось, как Су Тан написал это, поскольку это отражало Су Тана как личность.

— У меня не очень красиво получилось, поэтому я стер его, — сказал Су Тан.

— Тогда почему ты не стер свое имя? — спросил Цянь Чжу.

— Слова, которые я написал - уродливы, и мой почерк не соответствует твоему имени, поэтому я... — медленно произнес Су Тан.

— А я не считаю, что это некрасиво. На самом деле твое письмо довольно милое, — Цянь Чжу погладил Су Тана по голове, приглаживая его чубчик, а затем тепло улыбнулся.

— Посмотри на это "Су Тан" (2), — указал он на его имя, написанное ранее. — Он мягкий, как клецка. Один взгляд, и ты видишь насколько оно супер очаровательно. Не думаю, что есть что-то лучше, чем этот "Су Тан".

Хотя он говорил только о написании слов, это заставило Су Тана почувствовать, что тот на самом деле говорил о нем. Но этого не может быть, ба. Цянь Чжу такой честный человек, как он может говорить настолько кокетливые слова?

Должно быть он слишком много думает!

Обдумав все это и приведя себя в порядок, Су Тан все еще был немного растерян. Что же касается того, чего не хватало, то он не хотел признавать, что это оттого, что Цянь Чжу хвалил только его имя, но не хвалил его как личность.

На самом деле он знал, что у него характер ребенка. Ему нравилось, когда Цянь Чжу защищал его, говорил, что он ему нравится, и хвалил его миловидность. Хотя Су Тан и чувствовал себя застенчивым, в глубине души ему это очень нравилось.

Су Тану за свои мысли стало стыдно, и в глубине души он несколько раз повторил: "Не думай, не думай", и только потом немного успокоился.

Просто он забыл одну вещь: все его мысли, всегда ясно отражаются на его лице.

Цянь Чжу был умен, поэтому он с самого начала знал, о чем думает Су Тан. В глубине души он хотел рассмеяться, но не мог, хотел сказать Су Тану прямо, но совершенно не знал, как это сказать.

Он вдруг вспомнил, как однажды в человеческом мире видел ребенка, который рисовал людей-палочек, поэтому он так и сделал и нарисовал две фигурки под их именами.

Су Тан смотрел, как он рисует, и его любопытство было задето. Он смотрел на нее некоторое время, прежде чем рассмеяться. Кто бы мог подумать, что холодный и отчужденный Цянь Чжу знал, как рисовать в подобной манере?

Вскоре он уже не мог смеяться, потому что Цянь Чжу нарисовал их руки дежащимися друг за дружку.

— Это... — Су Тан некоторое время не мог говорить.

— Ммм? — сказал другой, подняв к нему взгляд.

— Этот рисунок такой уродливый, — лицо Су Тана покраснело, и он отказался смотреть на другого.

— Если они так уродливы, то просто сотру их, — не раскрывая очевидной лжи Су Тана, произнес Цянь Чжу.

— Не надо! — поспешно схватил Цянь Чжу за руку Су Тана. Он хотел сказать что-то еще, но потом понял, что тот просто играет с ним.

— Не сердись, — сказал Цянь Чжу, при виде расстроившегося и нахмуренного Су Тана. — Если тебе нравится, то нет необходимости стирать его.

— Я... — Су Тан хотел продолжить, но не осмелился. В конце концов, он наклонил голову и посмотрел на рисунок двух держащихся за руки человечков, вместе с двумя именами, написанными над ними. Его сердце бешено заколотилось.

Цянь Чжу сжал его руку и переплел их пальцы вместе, держа ее нежно - точно так же, как два человечка.

Солнечный свет рассеивался вокруг них, и две фигуры стояли в оранжевом свете; их силуэты создавали впечатление, что маленький мальчик держит руку другого мальчика и целует его лицо.

1. Пишется - []

2. Пишется - []

<http://bllate.org/book/15669/1402503>